

Пайдаланған әдебиеттер

1. Гусев Л.Ю. Безопасность в странах Центральной Азии – проблемы и вызовы // Современные евразийские исследования. – 2016. - . 3 - С. 7-12.
2. Қазақстан Республикасының әскери доктринасы [URL: http://militarykz.ucoz.org/index/voennaja_doktrina_kazakhstan/0-47]
3. Қасенова Н. Қазақстанның Ұлттық қауіпсіздігі: тұжырымдамалық және жедел аспектілер // Орталық Азияға Шолу. – 2005. – №24 (2). – Б. 151-164.
4. Nikitina Y. The Collective Security Treaty Organization Through the Looking Glass. Problems of Post-Communism. – 2012. – №59(3). – P. 41-52.
5. Jackson N. J. Trans-Regional Security Organisations and Statist Multilateralism in Eurasia. Europe-Asia Studies. – 2014. – №66(2). – P. 181-203.
6. Kozhurov B. CSTO, SCO AND NATO IN A SYSTEM OF REGIONAL SECURITY ORIENTAL STUDIES IN ALTAI. – 2015. -7(2412-5563). - P. 225-229.
7. Лаумулин М.Т., Шетелдік саясаттану және әлемдік геосаясаттағы Орталық Азия, Т. II: АҚШ-тың қазіргі кезеңдегі сыртқы саясаты мен стратегиясы және Орталық Азия, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институты - Алматы. – 2006. –Б.178.
8. Чеботарева А., Кең шеңбер НАТО-ның Рига саммитінің қорытындысы бойынша // Эксперт Қазақстан. – 2006, 18 желтоқсан.
9. SHAYMERGENOV T., BIEKENOV M. CENTRAL ASIA AND THE CAUCASUS// KAZAKHSTAN AND NATO: EVALUATION OF COOPERATION. Volume 11 Issue 1. - 2010.–P.35-51.

**НЕЭФФЕКТИВНОСТЬ ФУНКЦИОНИРУЮЩИХ ИНСТИТУТОВ В РЕШЕНИИ
ВОДНЫХ ВОПРОСОВ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Зипатолла Ш.К., м.ғ.н., преподаватель

Смагулова Г.М., к.и.н., ассоциированный профессор

Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова

г. Караганда, Казахстан

Введение

В настоящее время в мире существует 276 трансграничных рек, пересекающих политические границы двух или более государств, которые покрывают 46% поверхности земного шара и от которых зависит жизнь 40% населения земли [1]. В отношении 2/3 данных речных бассейнов, включая Амударью и Сырдарью, отсутствуют соглашения о совместном использовании их водных ресурсов, что является показателем проблематичности водного взаимодействия в мире [2].

В Центрально-азиатском регионе, включающем в себя пять независимых государств (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан и Таджикистан), Амударья и Сырдарья являются крупнейшими трансграничными реками [3]. Первая протекает через территорию Таджикистана, Афганистана, Туркменистана и Узбекистана и является самой крупной в Центральной Азии с точки зрения объема воды. Вторая проходит через территорию Кыргызстана, Узбекистана и Казахстана и является самой длинной рекой в регионе [4]. Вода этих двух крупнейших трансграничных рек берет своё начало в странах, расположенных вверх по течению. Около 80% объема водных ресурсов Амударьи формируется на территории Таджикистана [5], а 73% воды Сырдарьи на территории Кыргызстана [3]. Обе реки впадают в Аральское море и питают 90% объема её воды [6].

Советский период

В период Советского Союза реки в Центрально-азиатском регионе регулировались согласно границам своих речных бассейнов, а разделение между странами в регионе было лишь административным [7], что позволяло использовать реки в соответствии с интересами всего Советского Союза [8]. Министерство мелиорации и водного хозяйства, расположенное в Москве было единственным органом, ответственным за распределение и использование воды в СССР [3][7][9], поэтому эксплуатация Амударьи и Сырдарьи не регулировалась административными границами центрально-азиатских республик [3].

Советский Союз контролировал водные ресурсы в регионе, основываясь на «гидравлическом уклоне», преследовавшем две основные задачи: увеличение объемов сельскохозяйственной продукции и электроэнергии за счет обширного орошения земель и строительства гидроэлектростанций в регионе. С этой целью на территории нынешних стран «верховья» (Таджикистан и Кыргызстан) были

построены плотины и водные резервуары, которые с помощью системы каналов, ведущих в нынешние страны «низовья» (Казахстан, Туркменистан и Узбекистан), способствовали развитию орошаемого земледелия, в частности – выращивание риса, пшеницы и хлопка[10].

Кроме строительства водораспределительных и ирригационных объектов Советское руководство ввело централизованную систему управления природными ресурсами в регионе, при которой страны «низовья» предоставляли ископаемое топливо государствам «верховья» в обмен на сбросы воды из плотин летом для сельскохозяйственных нужд. Этот подход позволял странам, расположенным выше по течению, хранить воду в плотинах зимой вместо того, чтобы использовать её для производства гидроэлектроэнергии, так как потребность в ней была уже удовлетворена. В то же время странам «низовья» это давало возможность заниматься орошаемым земледелием без каких-либо препятствий [3][11].

В результате Советский Союз увеличил площадь орошаемых земель в центрально-азиатском регионе с 4.5 млн. га в 1965 году до 7 млн. га в 1991 году [12]. За этот период были построены более 60 каналов для забора воды из двух крупнейших рек, воздвигнуты Нурекская ГЭС на реке Вахш, которая является одним из главных притоков Амударьи, и Токтогульская ГЭС на реке Нарын, которая является одним из главных притоков реки Сырдарьи [13] [14] [15]. В дальнейшем сочетание всех этих факторов способствовало уменьшению стока двух крупнейших рек в Аральское море, которое привело к высыханию некогда четвертого по величине в мире внутреннего водоема [4]. Сегодня Аральское море — настоящая экологическая катастрофа, вина за которую лежит на советской власти.

Конфликт интересов

После распада Советского Союза в 1991 году пять стран Центрально-азиатского региона получили независимость. Это привело к тому, что существующий до сих пор региональный подход по распределению водных ресурсов оказался под угрозой. Поэтому пять независимых государств решили сохранить квоты, установленные в советское время по распределению воды в регионе [7]. В 1992 году лидеры стран Центральной Азии заключили Алма-Атинское соглашение, которое сохраняло принципы протокола №566 по Амударье и протокола №413 по Сырдарье, установленные решением Научно-технического совета Минводхоза СССР. Согласно им, 46%, что составляет 22,7 млрд. куб метра стока Сырдарьи полагается Узбекистану, 44%-Казахстану, 8% - Таджикистану и 2% - Кыргызстану. Документ предусматривал также ежегодный сброс в количестве 9,43 млрд. куб метра из Токтогульского водохранилища, из которых 75% в летний период и 25% в зимний. Что касается Амударьи, то процентное соотношение стока по стволу реки составляет 48,2 – Узбекистан, 35,8% - Туркменистан, 15,4% - Таджикистан, 0,6% - Кыргызстан[16]. Помимо сохранения устоявшейся системы распределения водных ресурсов, Алма-Атинское соглашение также сохранило две бассейновые водохозяйственные организации (БВО), созданные в Советское время, которые гарантировали выполнение правил распределения воды в бассейнах рек Амударьи и Сырдарьи [17]. Однако, сохранив советскую систему по распределению воды, Алма-Атинское соглашение не учло другие советские практики, работавшие ранее в регионе, такие как обмен энергоресурсами [7].

Ситуация ухудшилась, когда Казахстан, Туркменистан и Узбекистан перестали поставлять ископаемые виды топлива в страны, расположенные вверх по течению как это, было в советское время, поэтому Таджикистан и Кыргызстан были вынуждены покупать нефть и газ в странах «низовья» согласно рыночной цене. В ответ «энергетически бедные» республики – Таджикистан и Кыргызстан поменяли назначение своих плотин, которые теперь стали использоваться для производства гидроэлектроэнергии. Таким образом, страны, расположенные вверх по течению, стали накапливать воду летом и выпускать ее зимой [12][17][18]. Это вызвало нехватку воды летом для сельскохозяйственных нужд и наводнения зимой в странах, расположенных ниже по течению [16]. Кроме того, неспособность Таджикистана и Кыргызстана самостоятельно оплачивать импорт газа и нефти вызвали прекращение поставок ископаемых видов топлива и дальнейшие энергетические кризисы в этих странах.

Постоянная необходимость воды для сельского хозяйства и растущего населения в странах низовья и необходимость в постоянной выработке гидроэлектроэнергии в странах верховья привели к усилению напряжения между странами в регионе и вызвали конфликт интересов [19].

Неэффективность институциональной базы

Прошло уже три десятилетия с тех пор, как государства Центральной Азии обрели независимость и получили контроль над водными ресурсами, но в настоящее время до сих пор отсутствуют адекватные механизмы решения региональных водохозяйственных проблем[16]. Алма-Атинское соглашение, главной целью которого было сохранение советской системы

водораспределения, сегодня имеет лишь декларативный характер и не отражает действительность водных взаимоотношений в регионе [20].

Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия Центральной Азии (МКВК) стала основным органом, ответственным за контроль бассейнов рек Амударья и Сырдарья, и фактически должна была принимать решения о распределении, управлении и мониторинге водными ресурсами в бассейнах данных рек [18]. У МКВК также имеется два исполнительных органа (бассейновая водохозяйственная организация «Амударья» и бассейновая водохозяйственная организация «Сырдарья»), которые несут ответственность за распределение водных ресурсов и водозаборные сооружения в бассейнах двух рек.

Но, поскольку МКВК является коллективным органом, в котором каждое государство-член имеет право вето, эффективность организации зависит от «политической воли» стран низовья и верховья [7]. Кроме того, БВО «Амударья» и «Сырдарья» не признаются национальными законодательными органами стран Центральной Азии и, следовательно, не имеют легитимности и авторитета. В теории, БВО обладают значительной властью, но на практике они неспособны к настоящему управлению бассейнами рек, поэтому распределение водными ресурсами сегодня осуществляется на национальном, а не на региональном уровне [6].

Кызыл-Ординское соглашение, заключенное президентами стран Центральной Азии в 1993 году, также мало чего достигло с момента своего создания [21]. Согласно договоренности, были созданы Международный Фонд спасения Арала (МФСА) и Межгосударственный Совет по проблемам бассейна Аральского моря (МСБАМ), которые в 1997 году были объединены под эгидой МФСА [16]. Целью фонда было решение проблем Аральского бассейна и оказание социальной, экономической и иной помощи людям, проживающим в этом регионе. Фонд должен был служить механизмом финансирования, который бы координировал и помогал финансово региональным организациям в их усилиях по решению проблем бассейна Аральского моря. Однако на самом деле этот институт оказался не эффективен для решения региональных водных вопросов. Как отмечает Мозелло, основными причинами, по которым он оказался менее эффективным, являются ограниченные мандаты, а также соперничество между государствами, противоречия внутри институтов, отсутствие технического опыта, а также отсутствие средств и механизмов принуждения. Неудачи этой институциональной структуры подчеркиваются в ее неспособности решить повторяющиеся сезонные водные и энергетические проблемы, а также тенденция некоторых Центрально-азиатских глав государств принимать решения больше индивидуально, чем коллективно [21].

Показателем значительного прогресса в решении водных вопросов является Сырдарьинское соглашение 1998 года подписанное всеми странами региона, кроме Туркменистана. Соглашение демонстрирует стремление стран следовать международному праву и необходимости возмещения ущерба Кыргызстану за выбросы воды из плотин летом для орошения земель в странах низовья. Договор предусматривает, что Узбекистан и Казахстан должны выплачивать компенсацию за пропуск воды летом в формате эквивалентного источника энергии (электричества, газа, угля) или с помощью денежных средств. Однако Сырдарьинское соглашение не учитывает колебания воды в засушливые сезоны [18]. Поэтому каждый год страны вынуждены проводить бартерные переговоры, ориентируясь на точные сроки и уточняя конкретный объем попусков воды и количества компенсации в виде энергии [22]. Эти факторы способствуют росту напряженности и периодический приводят к сокращению поставок газа из Узбекистана в Кыргызстан [16].

Заключение

Советская система распределения воды в Центральной Азии оставила огромное наследие, которое привело к тому, что с момента обретения независимости региональные государства так и не смогли найти решение повторяющимся сезонным проблемам, связанными с водными ресурсами. Неэффективная институциональная база и неспособность создавать долгосрочные решения региональных водных вопросов постепенно обостряли межгосударственные отношения, в результате чего вскоре возникли первые конфликты. В основе растущей напряженности лежали противоречия в потребностях, когда страны, расположенные выше по течению, нуждались в большем количестве воды для производства гидроэлектроэнергии, в то время как странам, расположенным ниже по течению нужна была вода для сельскохозяйственных нужд. Более того, сохранение советской системы квот на распределение воды, ставило энергетически богатые страны низовья в выгодное положение, в то время, как энергетически бедные страны верховья, не получающие ископаемые виды топлива как раньше, но обязанные соблюдать квоты по распределению воды были в невыгодном положении. Эти факторы привели к тому, что механизмы по решению водных

вопросов в регионе являются неэффективными. В этой связи, если вина за экологическую катастрофу в Аральском бассейне лежит на Советской власти, то дальнейшие экологические проблемы в регионе будут являться зоной ответственности стран Центральной Азии, если в будущем они не смогут найти общий язык и решить водные проблемы в регионе.

Использованная литература

1. Wolf A.T. Shared Waters: Conflict and Cooperation // *Annual Review of Environment and Resources*. – 2017. – 32(1). Pp.241–269.
2. Holmgren T., Jägerskog, A., Berggren, J. and Joyce J. ‘The global water crisis – why water politics matter for business security. URL: The Guardian. Available at: [45 https://www.theguardian.com/sustainable-business/global-water-crisis-politics-business-security](https://www.theguardian.com/sustainable-business/global-water-crisis-politics-business-security) [Accessed 30 Jul. 2020].
3. Zhiltsov S., Zonn I.S., Kostin A.G. and Semenov A.V. eds. *Water resources in Central Asia: international context*. Cham, Switzerland: Springer. – 2018.
4. Micklin P. The Aral Sea Disaster. *Annual Review of Earth and Planetary Sciences*. – 2007. – 35(1). – Pp. 47–72.
5. Environment and Security in the Amu Darya River Basin, 2011 | GRID-Arendal. [online] Available at: <https://www.grida.no/publications/202> [Accessed 4 Jun. 2020].
6. O’Hara S. Lessons from the Past: Water Management in Central Asia. *Water Policy*, 2(4–5). – 2000. Pp. 365–384.
7. Wegerich K. Coping with disintegration of a river-basin management system: multi-dimensional issues in Central Asia. *Water Policy*, 6(4). – Pp.335–344.
8. Kassymova V. National constraining factors to the agreement on water and energy use in the Syr Darya Basin. USAIDEPIQ // http://www.dec.org/pdf_docs/PNACH123.pdf
9. Spoor M. and Kutrov, A. The ‘Power of Water’ in a Divided Central Asia. *Perspectives on Global Development and Technology*, 2(3). – 2003. – Pp. 593–614.
10. Rakhmatullaev S., Huneau F., Le Coustumer P., Motelica-Heino M. and Bakiev M. Facts and Perspectives of Water Reservoirs in Central Asia: A Special Focus on Uzbekistan. *Water*, 2(2). – 2020. – Pp.307–320.
11. Vinogradov S. and Langford V.P.E. Managing transboundary water resources in the Aral Sea Basin: in search of a solution. *International Journal of Global Environmental Issues* // 1(3/4), p.345.
12. Wegerich K. Hydro-hegemony in the Amu Darya Basin. *Water Policy*, 10(S2). – 2008. – Pp.71–88.
13. Jozan R. *Les Débordements de la mer d’Aral: Unesociologie de la guerre de l’eau*. Paris: PUF.
- Kamilov, A. (2012). Statement by His Excellency Mr. Abdulaziz Kamilov, Minister for Foreign Affairs of the Republic of Uzbekistan at the 67th session of United Nations General Assembly. [online] www.un.org. Available at: <http://undocs.org/en/A/67/PV.17> [Accessed 14 Sep. 2020].
14. Guenther, O. and Loy, T. *Aral Histories. Geschichte und Erinnerung im Delta des Amudarja*. URL: www.academia.edu. Available at: https://www.academia.edu/9759248/Askar_Dzhumashev_Olaf_Guenther_Thomas_Loy_Aral_Histories_Geschichte_und_Erinnerung_im_Delta_des_Amudarja [Accessed 30 Jul. 2020].
15. ICG – International Crisis Group. (2014). *Water Pressures in Central Asia*. URL: Available at: <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/central-asia/233-water-pressures-central-asia> [Accessed 30 Jul. 2020].
16. Menga F. *Power and Water in Central Asia*. [[VitalSource Bookshelf version]]. Retrieved from vbk://9781317194316. – 2018.
17. Allouche J. A Source of Regional Tension in Central Asia: The Case of Water. *The Illusions of Transition*. Genève: CIMERA (Conference proceedings). – 2004. – Pp. 92–104.
18. McKinney D. C. ‘Cooperative Management of Transboundary Water Resources in Central Asia’, In D. Burghart and T. Sabonis-Helf (eds.) *In the Tracks of Tamerlane: Central Asia’s Path to the 21st Century*, Washington, DC: National Defense University, pp. 187–220.
19. Bohr A. ‘Regionalism in Central Asia: New Geopolitics, Old Regional Order’, *International Affairs*, pp. 485–502. doi: 10.1111/j.1468-2346.2004.00394.x.
20. Janusz-Pawletta B. Current legal challenges to institutional governance of transboundary water resources in Central Asia and joint management arrangements. *Environmental Earth Sciences*, 73(2). pp.887–896.
21. Mosello B. Water in Central Asia: A Prospect of Conflict or Cooperation? *Journal of Public and International Affairs*, 19, pp. 151–174.

22. World Bank. Final Reports Related to the Proposed Rogun HPP // URL: Available at: <https://www.worldbank.org/en/country/tajikistan/brief/final-reports-related-to-the-proposed-rogunhpp> [Accessed 22 Aug. 2020].

ӘЛЕМДІК САЯСАТТАҒЫ «ЖҰМСАҚ КҮШ»: ПАЙДА БОЛУЫ ЖӘНЕ ОНЫ ІСКЕ АСЫРУ ЖОЛДАРЫНЫҢ ЖЕКЕЛЕГЕН МӘСЕЛЕЛЕРІ

Нұралиева Ж., магистрант

Смағұлова Г.М., т.ғ.к., қауымдастырылған профессор
Академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті
Қарағандық., Қазақстан

Қазіргі кезде жарық көрген ғылыми еңбектерде, басылымдарда және ақпарат құралдарында «жұмсақ күш» (soft power) деген терминді жиі байқауға болады. Бұл термин қайдан шыққан және қандай мағынаны білдіреді, терминді қай салалар кеңінен қолданады, бұл ұғыммен байланысты мақалалар мен мәліметтер неге көбейіп келеді тәрізді көптеген сұрақтар туындайды. Оны білуге деген қызығушылық пайда болады. Сондықтан мақалада әлемдік саясатта қолданылып жүрген осы «жұмсақ күш» ұғымы және оны қолдану жолдары туралы қысқаша қарастырылады.

«Күш» ұғымын теорияландыруға халықаралық қатынастар және саясаттанудың теориялық мектептеріндегі неолибералдық бағыттың өкілі, Гарвард университетінің профессоры кіші Джозеф Най үлес қосты. Ол 1964 жылдан бастап Гарвардта жұмыс істеген Дж. Ф. халықаралық қатынастарды зерттеу Орталығының жетекшісі, Кеннеди атындағы мемлекеттік басқару мектебінің деканы болды. Сонымен қатар академиялық қызметін мемлекеттік қызметпен ұштастыра білген. Дж. Най АҚШ президенті Дж. Картер тұсында 1977-1979 жылдары қауіпсіздік, ғылым және технология бойынша АҚШ мемлекеттік хатшысы орынбасарының көмекшісі болса, Билл Клинтон президенттігі кезінде қорғаныс министрінің халықаралық қауіпсіздік мәселелері бойынша орынбасары қызметтерін атқарған. Ұлттық қауіпсіздік саласындағы маңызды қызметтері атқара жүріп, жақсы тәжірибе жинақтаған зерттеуші-ғалым, өзінің теориялық білімін шынайы білген. Теорияда Дж. Найдың атын шығарған «жұмсақ күш» ұғымы болды. Ол «күш» ұғымын – «қатан» (hard power) және «жұмсақ» (soft power) деп бөле отырып, күштің екі түрінің табиғаты, өзара ықпалы мен байланысын қарастырады, күштің «жұмсақ» түрі мәжбүрлеуді емес, керісінше сендіруді мақсат етеді. Демек, ықпал саяси, мәдени, дипломатиялық және басқа да күш көрсету немесе күш қолдану емес әдістермен жүзеге асырылады, сондай-ақ, «жұмсақ күш» келісім мен бітімге алып келуге қабілетті. Ол туралы Дж. Най өзінің 1990 жылы жазған «Bound to Lead: The Changing nature of American Power» атты еңбегінде жазды. [1]

2004 жылы Дж. Найдың жаңа кітабы - «Soft Power: The Means to Success in World Politics» [2] шықты. Осы еңбегінде жаһандық саяси процестерге ықпалын тигізетін «жұмсақ күш» идеясын жан-жақты жетілдіре отырып көрсетті, оның мәні мен мазмұнын сипаттады және ақпараттық қоғамдағы «жұмсақ күштің» рөлі мен мағынасын дәлелдеп көрсетті. Осылайша Дж. Най «жұмсақ күш» терминін қолдану айналымына енгізді.

Дж. Най «soft power», яғни «жұмсақ күш» термині мемлекеттің саяси және мәдени ықпалы идеясына айналдырды, нәтижесінде бұл ұғым АҚШ-тың сыртқы саяси тұжырымдамасынан өзінің орнын алды. Кейіннен бұл термин көпшіліктің назарын өзіне аудартып, тез арада саяси дискурста енді. Әлемдік саясаттың көшбасшылары, Батыс елдерінің билеуші элитасы, ғалымдар, сарапшылар мен журналистер кеңінен қолдана бастады.

Дж. Най аталған екінші еңбегінде тағы бір рет қарастырылып отырған тұжырымдаманың мәнін ашуға тырысады. Ол былай деп жазады: «Жұмсақ күш» - басқалардың да өзіңіз қалаған нәтижелерді қалауы, адамдарды мәжбүрлеудің орнына өзіңізге қарай тарту және оларды біріктіру қабілеті.

«Жұмсақ күш» - бұл «жанашырлықты, басқалардың қалауларын қалыптастыру мүмкіндігі», бұл «жұмбақ сырлықтың химия».

«Жұмсақ күш» дегеніміз - бұл басқалардың талғамдарын қалыптастыру қабілеті, олар әдетте материалдық емес активтермен, мысалы, тартымды тұлға, мәдениет, саяси құндылықтар мен институттар және саясатпен байланысты, басқалар оны заңды және моральдық бедел ретінде қарастырады.